

Юлия Николаевна Ковалевская¹

tupa67@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТИ РАЗЛИЧНЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ ДЛЯ НАУЧНОЙ КРИТИКИ ИТОГОВ РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ В РОССИИ И ДФО

Целью статьи является поиск теоретических подходов и конкретных концепций для научной критики итогов рыночных реформ в России и на Дальнем Востоке в постсоветское тридцатилетие (1991—2021 гг.). В основу методологии положен компаративистский подход. Сравниваются как теоретико-методологический аппарат, так и выводы по существу, сформулированные в рамках различных теорий (экономического либерализма, неомарксизма, антропологии «медленного насилия», экономической географии и неoinституционализма). Неолиберальный подход в России скомпрометирован ходом и итогами реформ, в связи с чем интересна их резкая критика классиком либерализма Дж. Стиглицем. В неомарксизме характер реформ определяется как «инволюция» — перераспределение производительных сил общества, ведущее к общей деградации системы. Российский капитализм определяется как «паразитический». Итогом реформ является смещение России с позиции полупериферии капиталистической мир-системы на позиции сырьевой периферии. Отмечено появление нового эксплуатируемого класса — прекариата. Антропология «медленного насилия» (А. Форбург) качественными методами выявляет социальную сторону реформ — распространённое, но неуловимое насилие с отсроченными последствиями, которое проявляется на периферийных территориях. Экономгеография показывает, как в начале реформ была свёрнута советская «выравнивающая» региональная политика, а позднее результаты развития с опорой на региональные конкурентные преимущества были перечёркнуты неэкономическими мерами (административными, таможенными) с целью концентрации ренты в руках элиты, вследствие чего сырьевой характер экономики усилился, а качество жизни дальневосточников ухудшилось. В неoinституционализме рассматривается концепция «суперэкстрактивного государства» А.М. Эткинды как государства, элита которого напрямую, внеэкономическими методами, контролирует экспортные природные ресурсы и/или рынок, практически исключая население из политэкономического процесса. В целом можно утверждать, что в оценке постсоветских реформ преобладает негативный

¹ Институт Истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.

консенсус — итоги реформ не удовлетворяют экспертов как правого, так и левого спектра, независимо от методологического инструментария.

Ключевые слова: Дальний Восток России, рыночные реформы, кризис 1990-х гг., прекаризация, инволюция, медленное насилие, суперэкстрактивное государство.

Yulia N. Kovalevskaya²

tupa67@mail.ru

**POSSIBILITIES OF DIFFERENT METHODOLOGICAL APPROACHES
FOR SCIENTIFIC CRITICISM OF THE MARKET REFORMS RESULTS IN RUSSIA
AND THE FAR EASTERN FEDERAL DISTRICT**

The purpose of the article is to search for theoretical approaches and specific concepts for scientific criticism of the market reforms results in Russia and the Far East in 1991—2021. A comparative approach was used as a methodology. The author compares both the theoretical and methodological apparatus and the substantive conclusions developed within the framework of various theories (economic liberalism, neo-Marxism, anthropology of “slow violence”, economic geography and neoinstitutionalism). The neoliberal approach in Russia has been compromised by the course and results of the reforms, all the more interesting is their sharp criticism by the classic of liberalism — J. Stiglitz. In neo-Marxism, the nature of reforms is defined as “involution” — the redistribution of the productive forces of society, leading to a general degradation of the system. Russian capitalism is defined as “parasitic”. The result of the reforms is the displacement of Russia from the position of the semi-periphery of the capitalist world-system to the position of the raw material periphery. The emergence of a new exploited class, the precariat, is noted. The anthropology of “slow violence” (A. Forburg) qualitatively reveals the social side of reforms — widespread but elusive violence with delayed consequences, which manifests itself in peripheral territories. Economic geography shows how the Soviet “leveling” regional policy was curtailed at the beginning of the reforms, and later the results of development based on regional competitive advantages were canceled out by non-economic measures (administrative, customs) in order to concentrate rent in the hands of the elite, as a result of which the raw material nature of the economy increased, and the quality of life in the Far East has deteriorated. In neoinstitutionalism, it is considered the A.M. Etkind’s concept of a “super-extractive state” as a state whose elite directly, by non-economic methods, controls the export of natural resources and/or the market, practically excluding the population from the political and economic process. In general, it can be argued that a negative consensus prevails in the assessment of post-Soviet reforms — the results of the reforms do not satisfy experts of both the right and the left spectrum, regardless of the methodological toolkit.

Keywords: the Russian Far East, market reforms, crisis of the 1990s, precarization, involution, slow violence, super-extractive state.

² Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEBRAS, Vladivostok, Russia.

Понятие научной критики в статье включает два различных аспекта: 1) получение более глубокого теоретического знания о реальности, чем то, что доступно обыденному восприятию; 2) выявление неочевидных пороков системы, которые вытесняются из официального и публичного дискурса.

В период трансформационного кризиса (1990—2001 гг.) ВВП России сократился примерно наполовину, неравенство доходов возросло от скандинавского уровня до латиноамериканского (индекс Джини увеличился с 0,27 до 0,52) [12, с. 50]. В 2005 г. индекс Джини был равен 0,445, в 2006 г. он снизился до 0,41, в дальнейшем колебался в диапазоне 0,415—0,425 [7, с. 35]. В РСФСР коэффициент фондов (соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения) в 1956 г. определялся как 3,28, в 1986 г. — 3,38. Уже в 2000 г. разрыв между доходами 10% самых богатых и 10% самых бедных граждан составлял в России 13,9 раза [2], а в 2015 г. — официально 16 раз, по экспертным оценкам — 30 раз [23, с. 10].

Параллельно росту социального расслоения происходила дифференциация доходов регионов. В 1990 г. максимальная разница в среднедушевом доходе между регионами РСФСР составляла 3,5 раза. В 1995 г. она выросла до 14,2, в 1997 г. — до 16,2, а в 2015 г. — до 25 раз. При этом произошло также глубокое расслоение между регионами по уровню товарооборота. С 1990 по 2000 г. разница между регионами в розничном товарообороте на душу населения поднялась с 3,1 до 24,4 раз, в объеме платных услуг — с 3 до 83,4 раз [2].

Реформы 1990-х гг. привели дальневосточную экономику и особенно промышленность в состояние глубокого кризиса: она вернулась к уровню 1970-х гг. Причём пострадали все региональные отрасли специализации как в обрабатывающей, так и в добывающей промышленности. Даже в докризисном 2008 г. ВРП составлял менее 60% от уровня 1990 г., а в низшей точке — в 1998 г. — менее 45%. Объем промышленного производства в 1997 г. сократился на 58,8%, инвестиции в основной капитал — более чем на 70%, рост потребительских цен составил почти 11 000% [13, с. 90].

Дальний Восток относится к регионам, где резко выражено как социальное, так и региональное неравенство. Если в целом по стране в 1991—1994 гг. коэффициент Джини вырос с 0,26 до 0,35, то на Дальнем Востоке он варьировал в разных областях от 0,36 до 0,43. Коэффициент фондов в 1994 г. в среднем по России был 11, а на территориях Дальнего Востока — от 13,6 до 17,1 [14, с. 55].

В период трансформационного кризиса (1991—1998 гг.) многие граждане российского Дальнего Востока утратили источники заработка. Численность занятых в экономике ДФО в этот период снизилась на 695,7 тыс. чел., официальная безработица достигла максимума в 1999 г. и составила 15,3% [18, с. 71].

Результаты трансформаций, произошедших на Дальнем Востоке России в 1991—2021 гг. под воздействием рыночных реформ, можно интерпретировать с помощью применения нескольких общетеоретических подходов и концепций, которые позволяют использовать разные группы

источников, методы различных дисциплин (социологии, экономики, истории, антропологии) и дают готовые теоретические концепты, проясняющие суть изучаемых процессов.

Социальная природа постсоветского общества настолько явно не соответствует заявленным целям реформаторов и перестроечным ожиданиям, что её определение в 1990—2000-е гг. вызывало острые дискуссии. На этом поле выросло множество объяснительных моделей: транзитология (неолиберализм), теория «ресурсного государства» С. Кордонского, концепция «раздаточной экономики» О. Бессоновой, России как феодального общества В. Шляпентоха [11; 3; 28] и др. В статье будут рассмотрены сравнительно новые подходы, в частности неоинституциональный подход, в том числе концепция экстрактивных/инклюзивных институтов Д. Аджемоглу, Дж. Робинсона [1], концепции «внутренней колонизации» [30] и «суперэкстрактивного государства» А.М. Эткинды [31], антропология «медленного насилия» А. Форбурга [25] и др. Все они вполне применимы и к анализу дальневосточного «рыночного транзита».

Несмотря на то, что реформаторы руководствовались идеями неолиберализма и действовали в тесном сотрудничестве с институтами западной глобализации (Международным валютным фондом, Европейским банком реконструкции и развития и др.), результаты их деятельности оказались обескураживающими для идеологов и теоретиков либерального направления. Дж. Стиглиц в книге «Глобализация: тревожные тенденции» писал: «Редко бывает такое несоответствие между ожиданиями и реальностью, как это случилось при переходе от коммунизма к рыночной экономике. Предполагалось, что комбинация приватизации, либерализации и децентрализации быстро, в крайнем случае, после короткой переходной рецессии, приведёт к значительному подъёму производства. Ожидалось, что преимущества этого перехода проявятся <...> по мере того, как будет заменяться старое неэффективное оборудование и возникнет новое поколение предпринимателей. Полная интеграция в глобальную экономику со всеми её благами тоже наступит быстро, если не немедленно. Эти ожидания экономического роста не осуществились, и не только в России, но и в большинстве экономик, переходивших к рынку <...>. Россия быстро трансформировалась из промышленного гиганта — первой в мире страны, спутник которой вышел на околоземную орбиту, — в экспортёра природных ресурсов, в особенности нефти и газа, которые составляют сегодня половину её экспорта <...>. Станный характер российских реформ продемонстрировал, что <...> тот эрзац-капитализм, который возник в России, не обеспечивает стимулов к созданию богатства и экономического роста, скорее, он стимулирует обдирание активов. Вместо безукоризненно работающего рыночного механизма быстрые реформы привели к Дикому Востоку, где царит хаос» [22, с. 185].

Говоря о социальных последствиях постсоветских реформ в России, Дж. Стиглиц особо указывает на рост социального неравенства, изменение его качества и эрозию социального капитала. Вопреки «объективным законам рынка» среди проигравших оказались не только бедные слои,

но и средний класс — наиболее креативная часть общества. «В то время как переходный период сильно увеличил число живущих в бедности и привёл к процветанию небольшой кучки в верхах, наиболее сильно пострадал средний класс. Инфляция <...> смела их скудные сбережения. Заработная плата не поспевала за инфляцией, и реальные доходы упали. Сокращение государственных расходов на образование и здравоохранение разрушило их уровень жизни. Те, кто могли, эмигрировали <...>. Эти потери важны не только для тех, кто живёт сегодня в России, но и своими последствиями для будущего: исторически средний класс всегда был опорой при создании общества, опирающегося на верховенство закона и демократические ценности <...>. Уровень неравенства в сегодняшней России сопоставим с самым худшим в мире, тем, что существует в латиноамериканских обществах, где он основан на полуфеодалном наследии. Россия обрела самое худшее из всех возможных состояний общества — колоссальный упадок, сопровождаемый столь же огромным ростом неравенства. И прогноз на будущее мрачен: крайнее неравенство препятствует росту, особенно когда оно ведёт к социальной и политической нестабильности» [22, с. 188].

Следует отметить, что негативные результаты неолиберальной глобализации проявились не только в России, однако здесь, на периферии системы, сконцентрированы её издержки и наиболее тяжёлые социальные последствия. А Дальний Восток, как российская окраина, пострадал сильнее других регионов.

Исследователи, придерживающиеся неомарксистских позиций, выступают с последовательной критикой рыночных реформ [20]. Развал российской экономики в 1990-е гг. рассматривается в неомарксизме как следствие совпадения двух неблагоприятных факторов: объективного (кризиса индустриального типа производства и необходимости смены технологического уклада) и субъективного (неспособности, а также и нежелания партийной номенклатуры проводить эту модернизацию в рамках социалистической модели).

Процесс реформирования экономики оценивается как «реставрация капитализма», причём сам этот капитализм относится не к предпринимательскому типу, а к «паразитическому» [9]. «На наших глазах и с нашим участием, — отмечает М.Л. Хазин, — восстанавливается ситуация, которая была в начале XX в., — причём даже в худшем виде, потому что в Российской империи и в государствах Центральной Европы (Германии и Австро-Венгрии) было достаточно многочисленным крестьянство, которое могло само себя кормить... Сегодня этого нет, и мы видим, что в обозримой перспективе 50—70% населения... лишаются источников существования. Они живут в городах, поэтому им нужно жильё — а у них нет денег, чтобы за это жильё платить. Им нужна еда — а у них нет денег, чтобы эту еду покупать. Выращивать её они не могут — потому что, во-первых, не умеют, а во-вторых, земля частная... Классовая структура общества радикально меняется. Богатые и капиталисты никуда не денутся, а вот среднего класса больше не будет» [17, с. 153—154].

Так называемую шоковую терапию в рамках неомарксистского подхода рассматривают как *инволюцию* (перераспределение производительных сил общества, ведущее к деградации системы): рыночные реформы проводились на основе ресурсов советского периода так, что обогащение меньшинства произошло за счёт снижения статуса рабочих и лиц наёмного труда, усиления дискриминации и социального исключения, маргинализации значительных слоёв населения.

Британский исследователь М. Буравой считает, что в результате реформ «произошла мутация социалистической экономики, сдвиг от плана к клану. Ни социализм, ни рынок не могут помочь в понимании нового порядка, который представляет собой нечто иное. Можно сказать, что неформальная экономика, выросшая в недрах государственного социализма, разорвала свою защитную оболочку и прошествовала на международную арену» [5, с. 65].

Политика правительства (отпуск цен, рост тарифов, приватизация и т.д.) способствовала обвальной деиндустриализации в базовых отраслях экономики со всеми негативными последствиями «ржавого пояса»: безработицей, застойной бедностью, деградацией городской среды и в результате превращением России из полупериферии капиталистической мир-системы в сырьевую периферию.

А.В. Бузгалин указывает, что несмотря на то, что идеи социальной справедливости повсеместно используются в официальной политической риторике, «реальная политика осуществляется однозначно правая с элементами феодального господства. Пресловутое „ручное управление“, военно-промышленный комплекс, иерархии, клановые структуры, вассалитет в связях государства и бизнеса — всё это черты позднефеодальной структуры» [17, с. 141–142].

Антропологический подход позволяет использовать принципиально иные виды источников и качественные методы исследования. Одной из новых и оригинальных является концепция «медленного насилия» применительно к периферийным территориям (прежде всего к селу) и их жителям. А. Форбург использует определение медленного насилия А. Никсона: это «распространённое, но неуловимое насилие с отсроченными последствиями», «рассредоточенными во времени и пространстве» [25, с. 32]. Речь идёт «о насилии, которое проявляется постепенно и вне поля нашего зрения, о насилии с отсроченной разрушительной силой, рассеянной в пространстве и времени, об изматывающем насилии, которое обычно вообще не воспринимается как насилие» [25, с. 34].

Категория «медленного насилия» требует выстраивания явных методологических связей с временным измерением, множественной темпоральностью, незаметными переменами и затяжными бедствиями. «Я полагаю, — пишет А. Форбург, — что в этом заключается основной методологический вызов и потенциал этнографий медленного насилия, а постсоветская периферия предлагает показательные примеры для подтверждения возможностей данного понятия, которое помогает нам лучше понять, почему в заданных контекстах рассредоточенные в пространстве

и времени страдания и лишения прав привлекают столь мало внимания или же неверно интерпретируются. Проработка сложных и запутанных темпоральностей, характерных для советских и постсоветских кризисов и объясняющих их, позволяет показать, как этнография может лучше описать временные ландшафты, выходящие за пределы этнографического настоящего» [25, с. 33]. Исследователь отмечает «...формы насилия, которые имели пространственно отдалённый, затяжной и бессобытийный характер: принятые где-то ещё решения, постепенное разрушение мест жизни и её течения, успешные и запутанные кризисы советского и постсоветского периодов. Я ожидал обнаружить захватывающие примеры лишения прав, но вместо этого наталкивался на рассеянные его виды, включая формы насилия и лишений, которые зачастую не были для меня очевидны, поскольку я не воспринимал их как часть наблюдаемой ситуации — они не были для меня „этнографически видимыми“» [25, с. 34].

А. Форбург нашёл метод исследования «медленного насилия» и отслеживания транс-темпоральных связей через нарративы о руинах. Подобные отсылки связывают прошлое, в котором здания и хозяйственные постройки стабильно обеспечивали жителям периферии занятость и заработок, с возможным на тот момент будущим, которое было уничтожено, и с настоящим, обусловленным этим уничтожением и его потерями. Выраженная в приведённом высказывании трагедия связана не столько с заброшенными деревнями-призраками (доминирующими в медийных репрезентациях), сколько с людьми, которые живут рядом и среди руин своей прежней жизни.

В нашей статье 2018 г., ещё до ознакомления с работой А. Форбурга, аналогичный метод был применён к трём группам источников: к письменным воспоминаниям, интервью и фотоматериалам. Руины советских предприятий — самый яркий сюжет всех этих групп источников по многим причинам. Во-первых, обычно это самые крупные архитектурные объекты в поселении. Их развалины обладают эстетической ценностью, они интересны и вызывают эмоции. Во-вторых, они являлись не только архитектурной, но и политической, социальной и культурной доминантой местного сообщества. Советская власть придавала крупному индустриальному производству особую символическую ценность, это были зримые доказательства преимуществ социализма, технического и социального прогресса. Крупное предприятие было центром поселения, придавало ему смысл. В-третьих, предприятие играло важнейшую роль в обеспечении повседневного жизнеобеспечения: от него зависели зарплата, жильё, социальная помощь и т.п. Именно поэтому разрушение этих объектов — драматическое событие для жителей, особенно в моногородах [10, с. 49].

Использование концепции «медленного насилия» применительно к сельским социумам имеет параллель с исследованием крепостничества в российской истории. Историки XIX в. своими глазами видели бедственное положение крепостных крестьян и в поисках генезиса этого феномена потратили огромные усилия, чтобы найти определённый указ или закон, который является причиной и началом крепостного права. Однако они его

так и не нашли. В отличие от советской «коллективизации» — катастрофы быстрой и прекрасно задокументированной — и крепостное право, и разрушение постсоветской деревни (шире — периферии) в 1990-е гг. представляют собой длительные процессы, в которых дискриминирующие механизмы не определены законодательно, не поддаются прямому наблюдению и простому объяснению. Однако это важнейший факт нового социального порядка, тот «слон», которого никто не замечает. Сегодня, когда пандемия ковида выявила последствия «оптимизации» медицины в российской провинции, проблематика «медленного насилия» особенно актуальна.

Экономическая география также является авторитетным направлением в изучении постсоветской эволюции российских регионов. В советский период региональная политика носила «выравнивающий» характер. Институты плановой экономики не допускали «созидательного разрушения» — своевременного разорения устаревших производств и прихода на их место более новых и эффективных. Многие предприятия Дальнего Востока (особенно в сельском хозяйстве) были «планово убыточны», т.е. существовали за счёт господдержки. Рентабельность предприятий на Дальнем Востоке поддерживалась с помощью низких тарифов на энергоносители, электричество, железнодорожные и авиационные перевозки. Государство финансировало производство и гарантировало закупку товара.

В постсоветский период все эти механизмы были отменены в результате «шоковой терапии» и декларировалось, что развитие региона должно опираться не на господдержку, а на его собственные конкурентные преимущества.

В 1990-е гг. ярко проявились неравномерность развития Центра и периферии, сжатие заселённого пространства России, расширение пространства не только внешней (отдалённой от столицы), но и внутренней периферии или глубинки [15, с. 19]. За пределами столичного региона и нескольких городов-миллионников сокращение социальных гарантий, которыми обеспечивались наёмные работники при реальном социализме, не компенсировалось ростом возможностей в другом развивающемся сегменте (торговле и сфере услуг). Это поставило большинство трудящихся в ситуацию выживания: снижение дохода в формальном секторе экономики заставило людей «крутиться», но в условиях ограниченного местного ресурса это вело не к росту благосостояния, а к истощению человеческого капитала и вытеснению на социальное дно. По мнению Ж.Т. Тощенко, с 1990-х гг. в России число людей с неформальной, временной, сезонной или частичной занятостью, носящей негарантированный, нестабильный характер (30—40%), безработных (6,8%) и мигрантов всё время росло и к 2015 г. новый неполноправный слой — прекариат — составил до половины всех трудящихся [23, с. 4—5].

«Региональное конкурентное преимущество» — ведущее понятие экономгеографии, объясняющее региональное неравенство, а также главный фактор развития регионов в экономической географии. С точки зрения экономгеографии, развитие регионов должно опираться на конкурентные преимущества, к которым относятся природные ресурсы, выгодная

логистика, наличие крупных городских агломераций, квалифицированных или дешёвых трудовых ресурсов. На базе локального конкурентного преимущества может возникнуть экономический кластер — кооперация связанных между собой производств и сервисов [8].

Возможно создание искусственного конкурентного преимущества в «кармане эффективности» за счёт особого институционального режима: господдержки, налоговых льгот, особого таможенного статуса и т.д. «Карман эффективности» не способствует повышению качества жизни граждан тех территорий, где он находится. Напротив, он перераспределяет региональные ресурсы в свою пользу в ущерб остальным. Так, на Дальнем Востоке ради «поддержки отечественного автопрома» был разрушен экономический кластер, возникший вокруг японских праворульных машин, который успешно развивался на основе естественного конкурентного преимущества — близости японского авторынка. Но единственным представителем «отечественного автопрома» на Дальнем Востоке является завод «Соллерс», осуществляющий отвёрточную сборку японских автомобилей «Мазда». Его открытие на базе «Дальзавода» (старейшего производства, основанного в 1887 г.) было призвано продемонстрировать, что и на Дальнем Востоке закончились 90-е, когда промышленные предприятия могли только закрываться.

«Соллерс» последовательно мимикрировал под институты развития региона, созданные при поддержке правительства (ОЭЗ, ТОРы и т.п.), действуя в выделенном привилегированном пространстве и нарушая правила честной конкуренции. Федеральные и региональные чиновники используют «карманы эффективности» в пиар-целях, и зачастую, кроме этого демонстрационного эффекта, они ничего полезного не производят. Например, завод «Соллерс» получает каждый год от 500 до 750 млн руб. господдержки на отправку машин в Европейскую Россию, а чистая прибыль его в 2019 г. составила 406 млн руб. [24].

Наиболее высоким уровнем генерализации обладает *неоинституциональный подход*. В его рамках возникла концепция Дж. Робинсона, Д. Аджемоглу об инклюзивных/экстрактивных институтах [1]. Экстрактивные институты — формы политического и экономического господства, которые препятствуют большинству граждан извлекать для себя выгоду из участия в экономических отношениях и перераспределяют собственность и доходы в пользу узкой привилегированной группы (элиты). Экстрактивные институты порождают негативные тренды в экономике, экологии и социальной сфере.

Перечислим основные проявления экстрактивных институтов на Дальнем Востоке:

- Доходы от добычи природных ресурсов (нефтяная, газовая, угольная, лесная, рыбная промышленность, аграрный сектор), потребительские рынки и логистические хабы (в том числе пограничные) присвоены внешними игроками, местные жители не имеют от них прибыли, зато несут экологические и социальные издержки. Это обуславливает отток населения с Дальнего Востока. Например, Сахалин реализует

природные ресурсы (нефть и газ, уголь, рыбу) с общей годовой экспортной выручкой 15 млрд долл. (на 2019 г.). В то же время в области мало хороших рабочих мест, сохраняются устаревшая транспортная инфраструктура, низкий уровень транспортной связи и внутри острова, и с внешним миром. Каждый десятый дом здесь — аварийный. Для обновления жилфонда в 2019 г. введено около 300 кв. м, в 2020 г. — около 400 [6]. При добыче и отгрузке угля и других ресурсов открытым способом разрушаются зоны рекреации местных жителей (морское побережье, хребет Жданко и др.), страдает экология, растёт число онкологических больных [6].

- Растущее неравенство между кастой чиновников/менеджеров крупного бизнеса и бесправными прекариатом/бюджетниками/пенсионерами порождает недовольство, трудовые и социальные конфликты. Например, Камчатка остаётся одним из самых дотационных регионов страны. Зато по числу миллиардеров среди чиновников и депутатов она на передовых позициях. В 2018 г. губернатор В.И. Илюхин поддержал пенсионную реформу, зато при единогласной поддержке депутатов от «Единой России» поднял себе и своим приближённым пенсии до 150 тыс. руб. в месяц [26].

Экстрактивные институты на Камчатке проявляются в том, что в сёлах, расположенных на нерестовых реках, людям запрещено добыть даже одну горбушу. На реке при этом стоит с десяток частных рыбзаводов, для которых ограничений почти нет. Из-за такой политики летом целые населённые пункты на полуострове превращаются в браконьерские станы. Работы здесь нет, овощи и фрукты не растут, люди идут на реки, потому что это единственный способ более или менее нормального заработка, пусть и не совсем легального. Как грустно шутят на Камчатке, человек, поймавший тысячу тонн рыбы, считается у нас бизнесменом, а поймавший один хвост — браконьером. После рекордной путины 2018 г. цена на рыбу на Камчатке в 2019 г. для рядового потребителя почти не снизилась. В октябре 2019 г. это привело к крупному скандалу из-за акции «Рыбный край» по раздаче людям бесплатной мороженой горбуши (170 тонн). В месте раздачи рыбы собралась толпа пенсионеров, возникла давка. Власти надеялись поднять рейтинг губернатора, а получили порцию жёсткой критики от местных жителей и российских СМИ [27].

Политика Центра в отношении Дальнего Востока в последнее постсоветское тридцатилетие и её итоги могут быть интерпретированы с помощью концепции «внутренней колонизации» [30], «неомеркантилизма» [32] и «суперэкстрактивного государства» [31], разработанных А.М. Эткиндоном.

Впервые меркантилистская политика сложилась в крупных торговых империях начала Нового времени. Меркантилисты считали главной целью государственной политики положительное сальдо торгового баланса — превосходство экспорта над импортом, которое вело к накоплению золота в казне. Меркантилизм существовал в истории в двух основных вариантах: для морских держав типа Британской и Испанской империй это был

колониализм, где источником сверхприбылей был неэквивалентный обмен метрополии с колониями, а для континентальных империй (Германской, Российской) — камерализм, где источником сверхприбылей государства была монополия государства на экспортное сырьё в сочетании со сжатием внутреннего спроса (дешёвый труд). В постсоветской России неомеркантилизм существует в обоих этих вариантах: колониальная политика в отношениях Центра и регионов; камералистская — в ориентации на моноресурсную экспортную экономику в ущерб внутреннему развитию.

Камерализм как государственная политика характеризуется следующими чертами: 1) централизация власти и бюрократизация управления («зарегулированное государство») и использование в качестве институтов развития «карманов эффективности» и «суперорганизаций»; 2) монополизация сырьевой ренты («моноресурсная экономика»); 3) снижение цены труда и сжатие внутреннего массового потребления (в пределе — до положения крепостных или рабов, «внутренняя колонизация»); 4) снижение качества элиты и человеческого капитала в целом («паразитическая элита»); 5) иррациональная страсть к накоплению («золотой запас», «фонд благосостояния») [32].

Нересурсные, ориентированные на труд отрасли экономики (в том числе малый бизнес и сфера услуг) в неомеркантилистских экономиках имеют структурные ограничения для своего развития: во-первых, доступ на рынок затрудняется неэкономическими механизмами (таможенными запретами, административными барьерами); во-вторых, наиболее прибыльные отрасли коррумпированы и аффилированы с лоббистскими группами, которые таким образом извлекают ренту (строительство, транспорт, ЖКХ, ритейл и др.); в-третьих, государство умудрилось переложить на мелкий бизнес свои издержки на «северные льготы»: работодатель должен оплачивать работникам расходы на проезд во время отдыха. Платит работодатель, а политические дивиденды за такую «благотворительность» получает правительство, которое «вернуло» эту советскую льготу.

«Суперэкстрактивное государство» — государство, элита которого напрямую, внеэкономическими методами контролирует экспортные природные ресурсы и/или рынок, полностью исключая население из политэкономического процесса. Возникают два социальных слоя: «паразитическая элита» и «избыточное население». Такое государство приводит к системной демодернизации: деиндустриализации производства и разрушению человеческого капитала (неэффективности элиты и одичанию населения) [31].

В рамках этой концепции противоречие между успешной реализацией ресурсных проектов (и других «драйверов роста») и провалом в качестве жизни дальневосточников объясняется не тем, что ресурсные отрасли, генерирующие сверхдоходы, «лишь опосредованно влияют на экономическую обстановку и качество жизни в ДФО» [16], как часто пишут в официальных документах.

Деградация местных социумов и социальной инфраструктуры — это и есть системное влияние суперэкстрактивной неомеркантилистской государственной политики (в том числе и реализации успешных проектов),

это «теневой двойник» (в терминологии Дж. Скотта) [21], или следствие действия «меркантилистского насоса» (А. Эткин) [32], или «инволюции» (М. Буравой) [4] — перераспределения ресурсов от периферии к Центру или в «карманы эффективности» для элиты. Демодернизация и бедность периферии являются закономерным следствием политики неомеркантилизма не только на Дальнем Востоке, но и во всех прочих регионах России, за исключением Москвы.

Сравнение представленных выше относительно новых теоретических и методологических подходов, концепций и моделей показывает, что применительно к итогам рыночных реформ в России и в ДФО они не противоречат друг другу, а, скорее, помогают создать более полную картину ситуации. Можно говорить об определённой избыточности теоретико-методологического аппарата, когда авторы разными словами описывают по сути одно и то же и не могут противостоять очевидности. В своих оценках они фактически остаются в поле здравого смысла, а концептуализацию используют скорее для придания тексту академической легитимности или художественной выразительности.

Этот негативный консенсус резко отличается от ситуации 1990-х — начала 2000-х гг., когда среди исследователей существовали разные идеологически ангажированные лагеря с различающейся тематикой и оценками реформ. И если представители левого идеологического лагеря по понятным причинам всегда критиковали реформы, то в правом (либеральном) дискурсе преобладала их положительная оценка и доминировали такие «утопические» темы, как генезис и рост среднего класса, формирование «эффективных собственников», развитие фермерства и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015. 693 с.
2. Белая книга. Экономические реформы в России. 1991—2001 гг. / сост. С.Г. Карамурза. URL: http://www.patriotica.ru/actual/white_book.html (дата обращения: 15.06.2017).
3. Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН, 2006. 144 с.
4. Буравой М. Великая инволюция: реакция России на рынок. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/336/358/1217/burawoy15.pdf> (дата обращения: 15.12.2018).
5. Буравой М. К теории экономической инволюции: исследование российской эксплоярной экономики // Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 60—72.
6. Дмитракова Т. Лимаренко рассказал, как главная проблема Сахалина становится преимуществом. URL: <https://rg.ru/2019/09/04/reg-dfo/valerij-limarenko-povysilas-transportnaia-dostupnost-sahalina-i-kuril.html> (дата обращения: 19.01.2021).
7. Доклад об экономике России (World Bank Group). 2016, нояб. № 36. URL: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/592801478775597642/pdf/110037-WP-P161778-PUBLIC-RUSSIAN-NovRusRERFINAL.pdf> (дата обращения: 12.02.2021).

8. Зубаревич Н.В. Развитие и неравенство: пространственный ракурс. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0631/analit06.php> (дата обращения: 15.11.2019).
9. Иноземцев В.Л. Паразитирующее государство и перспективы России в XXI веке // Отечественные записки. 2007. № 6 (39). С. 262—278.
10. Ковалевская Ю.Н. Постсоветский переход на Дальнем Востоке России в вербальных и визуальных источниках: сходство и различия // Архонт. 2018. № 3 (6). С. 40—56.
11. Кордонский С.Г. Ресурсное государство. М.: REGNUM, 2007. 108 с.
12. Лукьянова А.Л. Динамика и структура неравенства по заработной плате (1998—2005 гг.): препринт WP/2007/06. М.: ГУ ВШЭ, 2007. 68 с.
13. Минакир П.А., Прокапало О.М. Региональная экономическая динамика. Дальний Восток. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 304 с.
14. Мотрич Е.Л., Найден С.Н. Население и социальное развитие российского Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2009. № 2. С. 47—67.
15. Нефедова Т.Г. Российская периферия как социально-экономический феномен // Региональные исследования. 2008. № 5. С. 14—31.
16. Орлова С.Ю. Счётная палата указала на недостатки госпрограмм ДФО. URL: <https://ach.gov.ru/news/schetnaya-palata-ukazala-na-nedostatki-gosprogramm-v-dfo> (дата обращения: 19.01.2021).
17. Перспективы левой идеи в постиндустриальном мире. Почему усиление несправедливости не повышает влияния левой идеи? // Свободная мысль. 2015. № 2. С. 139—168.
18. Прокапало О.М. Региональная социально-экономическая динамика: Дальний Восток и Забайкалье. Хабаровск: РИОТИП, 2003. 256 с.
19. Радаев В.В. Захват российских территорий: новая конкурентная ситуация в розничной торговле. М.: НИУ ВШЭ, 2007. 220 с.
20. Сидорина Т.Ю. Российское общество в контексте тенденций мирового общественного развития // Мир России. 2017. Т. 26. № 2. С. 128—153.
21. Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005. 568 с.
22. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль, 2003. 302 с.
23. Тощенко Ж.Т. Прекариат — новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3—13.
24. Финансовое состояние ООО «МАЗДА СОЛЛЕРС Мануфэкчуринг Рус» в 2019 г. URL: https://www.testfirm.ru/result/7743816842_ooo-mazda-sollers-manufekchuring-rus (дата обращения: 19.01.2021).
25. Форбург А. Этнографии медленного насилия: исследование последствий разрушения сельской инфраструктуры // Крестьяноведение. 2020. Т. 5. № 1. С. 31—52.
26. Хитров В. «Камчатские потрошители». URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/02/18/83974-zhabry-s-gadyukoу> (дата обращения: 19.01.2021).
27. Хитров В. «Попали под раздачу». URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/10/12/82324-ropal-pod-razdachu> (дата обращения: 19.01.2021).
28. Шляпентох В.Э. Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры. М.: Столица-Принт, 2008. 368 с.
29. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира. Очерки по феноменологической социологии. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
30. Эткинд А.М. Внутренняя колонизация: Имперский опыт России. М.: НЛО, 2018. 448 с.
31. Эткинд А.М. Механизмы демодернизации в ресурсном государстве. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fwudNCavtXА> (дата обращения: 12.02.2021).
32. Эткинд А.М. Природа зла. Сырьё и государство. М.: НЛО, 2020. 504 с.

REFERENCES

1. Adzhemoglu D., Robinson Dzh. *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nishchety* [Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty]. Moscow, AST Publ., 2015, 693 p. (In Russ.)
2. *Belaya kniga. Ekonomicheskie reformy v Rossii. 1991—2001 gg.* [White Book. Economic Reforms in Russia. 1991—2001]. Ed. by S.G. Kara-Murza. Available at: http://www.patriotica.ru/actual/white_book.html (accessed 15.06.2017). (In Russ.)
3. Bessonova O.E. *Razdatochnaya ekonomika Rossii: evolyutsiya cherez transformatsii* [Distribution Economy of Russia: Evolution through Transformation]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006, 144 p. (In Russ.)
4. Buravoy M. *Velikaya involyutsiya: reaktsiya Rossii na rynek* [The Great Involution: Russia's Reaction to the Market]. Available at: <http://eccocman.hse.ru/data/336/358/1217/buravoy15.pdf> (accessed 15.12.2018). (In Russ.)
5. Buravoy M. K teorii ekonomicheskoy involyutsii: issledovanie rossiyskoy ekspolyarnoy ekonomiki [Towards the Theory of Economic Involution: A Study of the Russian Expolar Economy]. *Neformal'naja jekonomika. Rossija i mir.* Ed. by T. Shanin, Moscow, Logos Publ., 1999, pp. 60—72. (In Russ.)
6. Dmitrakova T. *Limarenko rasskazal, kak glavnaya problema Sakhalina stanovitsya preimushchestvom* [Limarenko Told How the Main Problem of Sakhalin Becomes an Advantage]. Available at: <https://rg.ru/2019/09/04/reg-dfo/valerij-limarenko-povysilas-transportnaia-dostupnost-sahalina-i-kuril.html> (accessed 19.01.2021). (In Russ.)
7. *Doklad ob ekonomike Rossii* [Report on the Russian Economy]. (World Bank Group). 2016, Nov., no. 36. Available at: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/592801478775597642/pdf/110037-WP-P161778-PUBLIC-RUSSIAN-NovRusRERFINAL.pdf> (accessed 12.02.2021). (In Russ.)
8. Zubarevich N.V. *Razvitie i neravenstvo: prostranstvennyy rakurs* [Development and Inequality: a Spatial Perspective]. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0631/analit06.php> (accessed 15.11.2019). (In Russ.)
9. Inozemtsev V.L. *Parazitiruyushchee gosudarstvo i perspektivy Rossii v XXI veke* [The Parasitic State and the Prospects of Russia in the 21st Century]. *Otechestvennye zapiski*, 2007, no. 6 (39), pp. 262—278. (In Russ.)
10. Kovalevskaya Yu.N. *Postsovetskiy perekhod na Dal'nem Vostoke Rossii v verbal'nykh i vizual'nykh istochnikakh: skhodstvo i razlichiya* [Post-Soviet Transition in the Russian Far East in Verbal and Visual Sources: Similarities and Differences]. *Arkhont*, 2018, no. 3 (6), pp. 40—56. (In Russ.)
11. Kordonskiy S.G. *Resursnoe gosudarstvo* [Resource Government]. Moscow, REGNUM Publ., 2007, 108 p. (In Russ.)
12. Luk'yanova A.L. *Dinamika i struktura neravenstva po zarabotnoy plate (1998—2005 gg.)* [Dynamics and Structure of Wage Inequality (1998—2005)]. Preprint WP/2007/06. M, RU HSE Publ., 2007, 68 p. (In Russ.)
13. Minakir P.A., Prokapalo O.M. *Regional'naya ekonomicheskaya dinamika. Dal'niy Vostok* [Regional Economic Dynamics. Far East]. Khabarovsk, DVO RAN Publ., 2010, 304 p. (In Russ.)
14. Motrich E.L., Nayden S.N. *Naselenie i sotsial'noe razvitie rossiyskogo Dal'nego Vostoka* [Population and Social Development of the Russian Far East]. *Prostranstvennaya ehkonomika*, 2009, no. 2, pp. 47—67. (In Russ.)
15. Nefedova T.G. *Rossiyskaya periferiya kak sotsial'no-ekonomicheskiy fenomen* [Russian Periphery as a Socio-economic Phenomenon]. *Regional'nye issledovaniya*, 2008, no. 5, pp. 14—31. (In Russ.)
16. Orlova S.Yu. *Schetnaya palata ukazala na nedostatki gosprogramm DFO* [The Accounts Chamber Pointed to the Shortcomings of the State Programs of the FEFD].

- Available at: <https://ach.gov.ru/news/schetnaya-palata-ukazala-na-nedostatki-gos-programm-v-dfo> (accessed 19.01.2021). (In Russ.)
17. Perspektivy levoy idei v postindustrial'nom mire. Pochemu usilenie nespravedlivosti ne povyshaet vliyaniya levoy idei [Perspectives of the Leftist Idea in the Postindustrial World. Why Increasing Injustice does not Increase the Influence of the Leftist Idea?]. *Svobodnaya mysl'*, 2015, no. 2, pp. 139–168. (In Russ.)
  18. Prokapalo O.M. *Regional'naya sotsial'no-ekonomicheskaya dinamika: Dal'niy Vostok i Zabaykal'e* [Regional Socio-economic Dynamics: the Far East and Transbaikalia]. Khabarovsk, RIOTIP Publ., 2003, 256 p. (In Russ.)
  19. Radaev V.V. *Zakhvat rossiyskikh territoriy: novaya konkurentnaya situatsiya v roz-nichnoy torgovle* [Capturing Russian Territories: A New Competitive Situation in Retail]. Moscow, GU HSE Press Publ., 2007, 220 p. (In Russ.)
  20. Sidorina T.Yu. Rossiyskoe obshchestvo v kontekste tendentsiy mirovogo obshchestvennogo razvitiya [Russian Society in the Context of Trends in World Social Development]. *Mir Rossii*, 2017, vol. 26, no. 2, pp. 128–153. (In Russ.)
  21. Skott Dzh. *Blagimi namereniyami gosudarstva. Pochemu i kak provalivalis' proekty uluchsheniya usloviy chelovecheskoy zhizni* [Seeing Like a State. How Certain Schemes to Improve Human Conditions Have Failed]. Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 2005, 568 p. (In Russ.)
  22. Stiglits Dzh. *Globalizatsiya: trevozhnye tendentsii* [Globalization: Alarming Trends]. Moscow, Mysl' Publ., 2003, 302 p. (In Russ.)
  23. Toshchenko Zh.T. Prekariat — novyy sotsial'nyy klass [Prekariat — New Social Class]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015, no. 6, pp. 3–13. (In Russ.)
  24. *Finansovoe sostoyanie OOO «MAZDA SOLLERS Manufekchuring Rus» v 2019 g.* [Financial Condition of “MAZDA SOLLERS Manufacturing Rus” in 2019]. Available at: https://www.testfirm.ru/result/7743816842_ooo-mazda-sollers-manufekchuring-rus (accessed 19.01.2021). (In Russ.)
  25. Forburg A. Etnografii medlennogo nasiliya: issledovanie posledstviy razrusheniya sel'skoy infrastruktury [Ethnographies of Slow Violence: Studying the Effects of Rural Disintegration]. *Krest'yanovedenie*, 2020, vol. 5, no. 1, pp. 31–52. (In Russ.)
  26. Khitrov V. «Kamchatskie potroshiteli» [“Kamchatka Rippers”]. Available at: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/02/18/83974-zhaby-s-gadyukoy> (accessed 19.01.2021). (In Russ.)
  27. Khitrov V. «Popali pod razdachu» [“Caught in the Distribution”]. Available at: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/10/12/82324-popal-pod-razdachu> (accessed 10.02.2021). (In Russ.)
  28. Shlyapentokh V.E. *Sovremennaya Rossiya kak feodal'noe obshchestvo. Novyy rakurs postsovetskoy ery* [Contemporary Russia as a Feudal Society. A New Perspective of the Post-Soviet Era]. Moscow, Stolica-Print Publ., 2008, 368 p. (In Russ.)
  29. Shyutts A. *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira. Ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii* [The Semantic Structure of the Everyday World. Essays on Phenomenological Sociology]. Moscow, FOM Institute Publ., 2003, 336 p. (In Russ.)
  30. Etkind A.M. *Vnutrennyaya kolonizatsiya: Imperskiy opyt Rossii* [Internal Colonization: Russia's Imperial Experience]. Moscow, NLO Publ., 2018, 448 p. (In Russ.)
  31. Etkind A.M. *Mekhanizmy demodernizatsii v resursnom gosudarstve* [Demodernization Mechanisms in the Resource State]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=fwudNCavtxA> (accessed 10.02.2021). (In Russ.)
  32. Etkind A.M. *Priroda zla. Syr'e i gosudarstvo* [The Evil Nature. Commodities and the State]. Moscow, NLO Publ., 2020, 504 p. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 17.05.2021